

12+

АНАСТАСИЯ ЖАЛЪЯН

ПО ТУ СТОРОНУ ОКНА

Анастасия Кальян
По ту сторону окна

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кальян А.

По ту сторону окна / А. Кальян — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Случайно бросаешь взгляд в окно и вздрагиваешь. Что-то мелькнуло там, чья-то тень. Вновь уверяешь себя, что показалось. Как всегда какая-нибудь птица, далекие фары машин, ветер... Ты ловко находишь странностям простые объяснения. Хорошо умеешь лгать себе. Но против воли думаешь: "Что же обитает там, по ту сторону окна?".

Содержание

По ту сторону окна – ночь	6
В то лето, когда мне было десять	6
Окно	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Благодарности

Лизе – за то, что влилась в работу, помогала, советовала, редактировала.

Нейм – за иллюстрации и обложку, которая теперь у меня на заставке телефона.

Юле, моему первому читателю, – за то, что помогла мне перебороть свой страх и начать публиковаться.

Моим родителям – Алле и Виктору. А также родным, друзьям и коллегам, которые поддерживали, делились мнением и находили время на оценку моих работ.

Спасибо всем причастным, первые шаги в литературе я сделала благодаря вам!

По ту сторону окна – ночь

В то лето, когда мне было десять

За дверью – дверь, за шагом – шаг,

Тропинкой в лес, через овраг.

По шпалам прямо, у реки...

Если боишься, то беги.

За шагом – шаг, за шагом – шаг,

Тропинка, лес, потом овраг.

Что там такое у реки?

Беги, пожалуйста, беги.

За шагом шаг, за светом мрак,

Тропинка, шпалы и овраг.

Свою душонку береги,

Совет услышь мой и беги.

Из разинутого рта багажника торчали три огромные сумки, набитые одеждой, подарками и едой. Зачеты были сданы, впереди маячили экзамены. А пока я, как и все студенты, могла облегченно выдохнуть и отметить Новый год с семьей.

Мама убежала «на секундочку», забрать что-то еще. С тех пор вот уже десять минут мы с папой стояли у машины, перетаптываясь с ноги на ногу. Я чувствовала, что еще чуть-чуть и мои зубы застучат.

Наконец, дверь подъезда распахнулась и показалась покрасневшая мама в болоньевой куртке нараспашку и с огромной клетчатой сумкой в руках. «Господибожемой», – прошептал папа себе под нос.

– Мы просто едем к бабушке, а не съезжаем! – заметила я.

– Я принесла коньки! Нам понадобятся коньки.

– Их можно взять напрокат.

– Вот еще! Деньги тратить!

Мы с папой обменялись многозначительными взглядами. Он вздохнул и принялся записывать еще одну сумку в багажник. Затем мы расселись по местам и поехали.

Подруга прислала новую партию грустных плачущих стикеров. Она считала, что злые родители против воли утащили меня к бабушке, где непременно будет невыносимо скучно. Но

я сама хотела поехать. Несмотря ни на что, место, в котором жила бабуля, запомнилось мне добрым и таинственным. Казалось, я оставила там что-то важное, без чего жизнь была уже не такой интересной. Все эти восемь лет меня тянуло туда. И вот, наконец, мне было позволено вернуться.

Когда многоэтажки сменились домиками, я прилипла к окну. Всмотривалась в дорогу, деревья и заборы, надеясь узнать их. Иногда казалось, что вот-вот за поворотом я увижу громадные деревянные качели, которые мы с Юрой обожали в детстве. Или соседский домик на дереве, в который тихонечко забирались, когда темнело, и я мечтала, что у меня когда-нибудь будет такой же.

Но когда машина остановилась, я даже не сразу поняла, что мы уже приехали. Бабушка поменяла хлипкий деревянный забор на железный, неестественно зеленый, а рядом с ее домиком вырос большой кирпичный особняк, который, наверное, был очень дорогим и просторным, но разочаровал своим появлением. Мама легонько толкнула меня плечом:

– Софи, не зевай.

Не столько из-за количества людей, сколько из-за маминых сумок в прихожей было тесно. Бабушка, вышедшая к нам в цветастом халате, поправляла бигуди и причитала:

– Ох, я даже не переделалась, думала, вы позже будете. А что же столько сумок? Я же вам тут наготовила!

– Мы ей говорили, – усмехнулся папа. Мама показала ему язык.

– А дайте же мне на внучку посмотреть! – бабушка протиснулась ближе ко мне. – Софа, какая ты красавица. А что же волосы розовые? Это модно, да? И ты такая... взрослая.

Я улыбалась и кивала. Бабуля взяла меня за руку и повела показывать комнату. Она извинялась за беспорядок, который, мне казалось, только она сама и видит. Хвасталась, что в спальне есть телевизор, пусть и старенький. С гордостью показала ковер в комнате, такой же цветастый, как и ее халат. А я слушала вполуха и с жалостью замечала, как бабушка постарела. Она медленно ходила и неловко прихрамывала на правую ногу. Ее глаза будто стали более блеклыми, а вокруг губ собрались морщинки. Но она все еще улыбалась искренней, нежной улыбкой, и почти наверняка не знала, насколько это ее красит.

Она все говорила и говорила, и голос ее дрожал от волнения. Как у ребенка, ее чувства в этот момент ясно проступали на лице, в речи, в жестах. «Наверное, она сожалела все это время», – думалось мне. При том, она что-то выискивала в моем виде, как ей казалось, незаметно.

Все в порядке, бабушка. Со мной уже давно все в порядке.

Когда я разложила вещи и спустилась вниз, зашли бабушкины новые соседи из того серого особняка – молодая семейная пара, прикупившая себе дом еще и где-то в солнечной Испании. Они уезжали туда на праздники и о чем-то договаривались с бабулей. А я сидела в углу и злилась на них и их здоровый дворец. Бездушный и чужеродный, он не видел наших тайников, не слышал о положительной и отрицательной магии этих мест, не ведал даже об особенном камне, сокрытом прямо в его тени. Он был мертвым великаном, и от его вида меня подташнивало.

Мы поужинали, и остаток вечера я бродила по дому, рассматривала фигурки на полках, листала альбомы с семейными фотографиями, с грустью подмечала вторжение незнакомых вещей в дом моего детства. Как жаль, что меня не было здесь почти восемь лет.

К ночи все разбрелись по комнатам. Бабушка трижды приходила ко мне, волновалась, как я устроилась. Даже зачем-то притащила настольную лампу.

– Все в порядке, – заверила я ее. – Ложись скорее спать.

Может, она хотела еще немножко посидеть со мной, сказать что-то, но не находила причин и не знала, как подступиться. Но мне отчего-то совсем не хотелось ей в этом помогать.

Она растеряно пожелала мне спокойной ночи и ушла. Через полчаса из ее комнаты уже доносился размеренный храп, а я все никак не могла уснуть.

В бабушкином доме для меня все было пропитано ностальгией. Я скучала по детству, по тем дням, что провела здесь. И мне казалось, что в то состояние вернуться невозможно. Я с этим смирилась, как мы миримся с неизбежным течением времени, с тем, что закадычные друзья детства зачастую так и остаются в детстве, и мы продолжаем идти вперед уже без них. Но сегодня мне чудилось, будто нечто потерянное, забытое давным-давно сейчас совсем рядом. Еще чуть-чуть, и я смогу вернуть это.

На кровать прыгнул кот. Я лежала с закрытыми глазами, но чувствовала, как он устраивается у меня под боком.

«За дверью – дверь, за шагом – шаг», – вдруг прозвучало в моей голове. Детская считалочка. Такая знакомая. Но что же там было дальше?

– За дверью – дверь, за шагом – шаг... За дверью – дверь...

Я шепотом повторяла эти слова снова и снова, но продолжение все никак не вспоминалось. Слова разрастались, разбегались по стенам и отражались от них. Стены вторили мне, шепот шелестел вокруг и обволакивал меня. Я медленно просочилась сквозь реальность и растворилась во сне.

Утром было свежо из-за морозного воздуха, который проник в комнату, несмотря на то, что оконные рамы были предусмотрительно заклеены бумагой. Проснувшись, я долго лежала с закрытыми глазами, дышала ощущением безмятежного детского утра. Внизу, на кухне, родители о чем-то переговаривались, бабушка громыхла тарелками. Вот он, канун нового года. А мне снова десять.

– Зачем ты сделал это? – плакала я.

– Зачем?.. – раздался задумчивый голос.

Я вздрогнула. Наваждение рассеялось, я не успела поймать его за хвост. Жаль.

После завтрака бабушка продолжала судорожно хлопотать, словно решив все дела, накопившиеся за год, переделать за день. А мы отправились на каток. Мама выглядела довольной, когда мы обулись в привезенные из Москвы коньки. Она была права: они подошли. И мы с папой великодушно решили не говорить ей, что цена коньков в прокате составляла всего двести рублей с носа.

На катке, к моему удивлению, даже играла музыка, причем, казалось, плейлист составляла толпа незнакомых людей с разными вкусами. Тут вам и Земфира, и Битлы, и Сердючка, и не знаю уж чей агрессивный рэп. Даже рождественские песни к случаю подобрать успели. Как говорится, все включено.

За дверью – дверь, за шагом – шаг, тропинкой в лес, через овраг.

Каток находился возле леса. Летом он, конечно, был вовсе не катком, а футбольным полем, куда мы забирались, когда грубые, тощие и губастые подростки, вдоволь наигравшись, расходились. Темнело быстро, но мы приноровились бросать свой детский надувной мячик под светом фонаря. Мы...

За дверью – дверь, за шагом – шаг, тропинкой в лес, через овраг.

Если подняться на трибуны, самое крайнее сиденье будет отмечено крестом. В мои десять я нацарапала его ключом. Под этим стулом мы оставляли сюрпризы друг другу и незнакомцам. Мы всегда следили за людьми, которые сидели на этом особом месте. Некоторые даров не замечали, а другие удивлялись.

Я поднялась, чтобы проверить. Часть сидений давно заменили, но этот сектор остался нетронутым. Словно наш крест защищал его от вмешательства времени. Я провела по кресту пальцами.

Перед глазами возник давно позабытый душный июньский день, когда мы с Юрой нашли под этим сиденьем нетронутую бутылочку газировки. Видимо, кто-то забыл ее, но нам казалось, что это дар кого-то таинственного, что газировку оставили специально для нас. Хотя этот дар и не шел ни в какое сравнение с тем, что мы позже нашли у реки, да и о магии мы еще ничего не знали, но, возможно, в тот миг впервые ощутили дуновение волшебства.

Я быстро выпила свою половину и отдала остаток Юре, а он умудрился все вылить на себя. Стоял жутко несчастный, весь липкий и, очевидно, осознавал, как ему попадет от мамы. Но сказал лишь:

– Прохладненько.

И я расхохоталась. Все смеялась и не могла остановиться. В итоге он и сам стал смеяться, глядя на меня. Так мы и стояли: я смеялась над ним, а он надо мной.

Веселый момент я теперь вспомнила с легкой грустью. Ведь Юре тогда так и не довелось попробовать газировку.

Я стояла возле избушки с арендой коньков и ждала, когда мои вдоволь накатавшиеся родители, наконец, переобуются. Кот ткнулся носом мне в руку, а затем скрылся на дереве, ссыпая вниз снег с сонных веток.

Как же странно, думала я, тридцать первого декабря не резать салаты, не топтаться в очередях магазинов, а спокойно кататься на коньках и гулять с родителями, наслаждаясь морозным воздухом и бабушкиным малиновым чаем из термоса. Кажется, будто мы выпали в какой-то временной разлом, где нет места суете, и мы впервые можем не спешить. Мне чудилось, что все это происходит не со мной: наша семья была вовсе не из тех, что может себе позволить чинно прогуливаться в такой день.

Должно быть, такое возможно только тут. Здесь сохранилось что-то, давно выветрившееся из Москвы, да и всех других городов мира, но чудом оставшееся именно тут. Не время, нет. Субстанция более густая, волнительная. Здесь она невидимой патокой покрывала землю, смешиваясь со снегом, растворялась в морозном воздухе, искрилась в тускнеющих под давлением ночи полосах света.

За дверью – дверь, за шагом – шаг,
Тропинкой в лес, через овраг.
По шпалам прямо, у реки...

Шаг, еще шаг. Словно ведомая волшебной мелодией гамельнского крысолова, я шла туда, в сторону лесной тропинки. Мне бы только пройти там, как когда-то. И хоть одним глазком взглянуть...

– Софи!

Отец схватил меня за руку. Я повернулась, рождественская музыка брызгала радостным потоком, люди смеялись, где-то через дорогу вспыхивали искры салюта. Мама смотрела на меня настороженно.

– Ты нас... не слышала? Все хорошо?

Я осторожно вывернулась из папиной хватки.

– Я... Все в порядке. Просто засмотрелась на...

Я кивнула в сторону леса, но так и не закончила предложение.

Дома было жарко, что-то булькало в кастрюльках на плите, а бабуля сосредоточенно резала овощи в большую миску. Едой пахло так многообещающе, что я резко почувствовала, насколько проголодалась. Угадав мой голод, бабушка сжалилась и поставила передо мной тарелку с кусочком приготовленного ею пирога. Я была готова поклясться, что вкуснее ничего не ела в своей жизни.

Пирог меня успокоил, больше не тянуло вытащить из холодильника первую попавшуюся кастрюлю и начать руками черпать ее содержимое. Так и видела, как бы бабушка причитала, а я бы рычала зверем. Папа прикрыл бы собой бабушку и маму и выкрикнул:

– Не делайте резких движений! Оно насытится и уйдет само!

Пока я улыбалась собственным мыслям, сидя на краюшке кресла, дабы не придавить спящего кота, папа притащил в дом двухметровую живую елку. Весь первый этаж сразу же пропах лесом. Когда споры о размещении дерева угасли, бабушка приволокла огромную коробку, доверху набитую украшениями. Здесь были чудные рыбки-прищепки пятидесятих годов, раритетные стеклянные шишки, уродливые снежинки, которые я в детстве вырезала из картона и такие же жуткие бусы из бумаги. А еще бантики, шарики, четыре гирлянды, из которых только одна работала, и много другого добра. Выбрав банты и пластиковые шарики, я стала усыпать ими елку.

– Софа, а что же ты шишки не вешаешь?

Я взглянула на кучку облезлых шишек из тонкого стекла.

– Они старые. Боюсь, кот их разобьет.

– Какой кот? Шишки вешай, они же должны быть.

– Железный аргумент, – оценила пробежавшая мимо мама.

Ель, наконец, приняла праздничный вид, и я отошла в сторону, гордо представляя свое творение на суд общественности.

– Я бы добавил красненького, – подал голос папа.

– Зачем? Тут все в синем цвете.

– А как же шишки? – не унималась бабушка.

– Отлично, получилось, Софи! Ничего больше добавлять не нужно, – поддержала меня мама. На том и разошлись.

Однако в течение вечера елка подрумянилась красными шарами, а затем тут и там вдруг выросли шишки. Таинственные силы решили вмешаться в мое творчество.

Я взялась было помогать бабушке накрывать на стол, но она отослала меня в комнату. Видимо, я больше мешала, чем помогала. Поднимаясь, услышала, как за неплотно прикрытой дверью разговаривают родители.

– Она опять! Опять! – восклицала мама.

– Успокойся. Ты себя накручиваешь, – отвечал папа вполголоса, и я представляла, как он обнимает ее за плечи, а на лице фирменное выражение «ребенок, не плачь».

– Не надо было приезжать!

– Надо, конечно. Мы давно хотели, и Софи тоже. Мама так нам рада! Все будет хорошо.

Столько лет прошло.

– Прошло. Но кажется, будто только вчера мы...

– Тише, тише.

Добравшись до комнаты, я легла на кровать и уставилась в потолок. Знакомое чувство: родители обсуждают что-то, во что тебя посвящать не собираются. Тебе десять, а вовсе не восемнадцать.

Эта тема была табу. Видимо, родители думали, что я сорвусь, устрою истерику, едва кто-то упомянет Юру. Но я никогда не забывала этого короля бабочек, и мысли о нем вызывали лишь ностальгию и легкую грусть. Я уже пережила это, и моя жизнь продолжалась. Жаль, родителям это было невдомек.

Опустив руку с кровати, я зарылась пальцами в мягкую шерсть кота. Лежала и шептала что-то, не вслушиваясь, не вдумываясь, на автомате.

За дверью – дверь, за шагом – шаг,
Тропинкой в лес, через овраг.
По шпалам прямо, у реки...
Если боишься, то беги.

Бабушка звала всех к столу, перекивая телевизор, то и дело вспыхивающий смехом. Я вынырнула из полудремы и поднялась. Шерстяной хвост задел мои щиколотки.

– Ну, кажется, пора вниз?

– Пора.

Бабушка – кулинар от Бога. Я вновь зверем набросилась на еду, а родителям пришлось оправдываться, почему они «ребенка» голодом морят. Кот забрался мне на спину, удобно устроившись между мной и спинкой кресла. Так что куранты я слушала сидя.

– Ну что же ты горбишься, Софа! – возмущалась бабушка, подкладывая мне третью порцию своего фирменного оливье с мясом и солеными огурцами.

Мне не хотелось объяснять, и кот, видимо, почуял это. Недовольно поворчав, спрыгнул куда-то за диван. На радость бабуле я выпрямилась.

Салют мы шли запускать под бабушкины причитания. Она боялась всех хлопущек в мире и искренне не понимала, что в этом может быть веселого. Однако папа накопил целую сумку всякого добра и отступать не желал. Так, слушая бабулины смиренные вздохи, мы добрались до поля.

Через полчаса бомбардировки, когда в моей руке догорал четвертый бенгальский огонек, я замерзла и уже была солидарна с бабушкой: не так уж это было и здорово. Но папа был полон решимости израсходовать весь свой боевой запас за один раз, и мама его в этом активно поддерживала, правда, в основном, на словах.

Стоя в отдалении, мы с бабулей смотрели наверх и синхронно вздрагивали от каждой вспышки. Мне вспомнилось, как мы с Юрой тем летом носились по этому полю, пытаясь запустить в небо его самодельного воздушного змея. Погода была безветренная, и только раз тот действительно гордо взмыл ввысь, совсем ненадолго. Мы до вечера пытались повторить триумф. У меня затекла шея, потому что все время смотрела вверх, хлипкие косички почти совсем расплелись, а ноги устали из-за беготни. Но нам казалось, что это дело величайшей важности.

Судьба змея была предreshена в тот момент, когда мы решили запустить его у реки. Вода забрала бумажное создание навсегда, но, забегая вперед, мы не успели как следует огорчиться: именно тогда мы и нашли разлом.

Вечерело, небо над рекой будто разукрасили баллончиками с краской. Розовый, оранжевый и сиреневый, смешиваясь, отражались в воде, медленно пожиравшей змея. Он уплывал, бессильный перед течением, и мы шли за ним вдоль реки.

– Это наш долг, проводить его в последний путь, – сказал тогда Юра.

Если бы он знал, что за этим последует, то, наверное, никогда бы такого не сказал. А может, вообще бы не вынес змея из дома.

Мы продолжали шествие, пока не наткнулись на мерцающее дерево.

Теперь, восемь лет спустя, мне хотелось узнать: стоит ли оно еще там? Или, может, его уже срубили? Я тихонько отделилась от семьи и раньше, чем успела сообразить, что делаю, уже подходила к реке. Дорога была вовсе не такой далекой, как мне помнилось. А дерево было не таким уж и большим. Но даже теперь, сухое и застывшее в зимней спячке, потерявшее часть своих волшебных бусин, оно казалось мне таинственным. Я села на корточки и провела пальцами по выбоинам, размером с рублевую монету. Кое-где цветные стеклянные шарики, наверняка похищенные у несчастных аквариумных рыбок, еще сохранились. Стекляшки потеряли свое былое сияние, так впечатлявшее меня в прошлом.

Тогда мы долго стояли с Юрой околдованные и не решались подойти. Почти от самых веток до земли дерево расхлослось на две части, как пальто, а полы его блестели разноцветными шариками. Приблизившись, мы осторожно потрогали их, а затем, не сговариваясь, заглянули в разлом.

– Тут кто-то есть! – прошептал Юра, отшатнувшись. – Мельтешит что-то! Видела?

Я покачала головой и стала прощупывать то, что скрывалось во тьме дерева.

– Сено какое-то, – заключила я. – И... ой!

Я отдернула руку.

– Что там? Что?

Юра беспокойно подпрыгивал у меня за спиной, надеясь разглядеть то невероятное, что я нащупала.

– Теплое и... Как будто...

Я подползла ближе и обеими руками залезла в разлом. А затем вытащила оттуда кота. Большого черно-серого полосатого кота, который явно спал и был несколько сбит с толку таким внезапным вторжением в его личное пространство.

Дерево у реки стало нашим излюбленным местом. Там, под сеном и веточками, мы с Юрой прятали все свои детские секреты. Для этих нужд я утащила из дома самую красивую металлическую шкатулку с узорами, которую мама потом обыскала. Видимо, шкатулка была не из дешевых, но я справедливо рассудила, что нам она нужна куда больше, а украшения мама может хоть в пакете хранить.

Важной особенностью разлома было то, что рядом с ним на нас густым туманом окутывала лень. Тело становилось тяжелым, двигаться не хотелось. Так мы лежали на травянистом выступе, болтали или что-то напевали. Юра считал, что магия таким образом напитывала нас.

В середине июля мама внезапно решила, что мне необходимо каждый день два часа читать литературу из школьной программы. Я восприняла эту идею без энтузиазма, особенно потому, что она не разрешала мне брать книги к реке. Но канючить не стала и, смирившись, откладывала чудеса на попозже. Поэтому какое-то время Юре приходилось либо топтаться у нашей калитки, либо ждать меня у разлома.

Однажды я сильно припозднилась, а когда пришла к дереву – увидела, что Юра сидит с закрытыми глазами, а вокруг него порхают бабочки. И не одна или две, а больше дюжины.

– Как ты это делаешь? – поразила я.

Юра открыл глаза, блестящие в свете солнца как зеленые стекляшки на нашем дереве, и улыбнулся.

– Это моя магия.

Я не сомневалась, что это действительно магия. С утра и до самого захода солнца мы сидели у дерева и ждали, когда произойдет нечто необычное. Но магия не так проста: она никогда не показывалась на глаза по нашему желанию. Зато могла виться вокруг, окружать магическим шепотом. Тогда чудеса происходили, но мы не могли разглядеть их даже перед

самым носом. Поэтому мы всегда внимательно вслушивались и вдумывались: «А не происходит ли чего необычного?».

В награду за наше терпение, магия показала нам. Я тоже пробовала призвать какую-нибудь симпатичную живность, но получалось приманивать только комаров. Так Юра стал королем бабочек, а я наловчилась убивать кровососов налету.

Однако долго сидеть у разлома нельзя, я и теперь хорошо это помнила. Когда мы находились там дольше положенного, магия превращалась в отрицательную. Но отследить момент получалось редко. Мы заметили, что в такие дни вещи рвутся и ломаются, все валится из рук и обязательно что-нибудь болит хотя бы у одного из нас. Мы ссорились с родными, а я даже однажды ударила бабушку. Так отрицательная магия влияла на нас.

Осторожно разгребая снег, я стала прощупывать почву. Знала, что шкатулки там уже нет, ведь перед отъездом спрятала ее у Юры, а принести ее обратно было бы некому. Знала, но отчего-то все равно надеялась нащупать металлический резной бок. Ведь это бы значило, что король бабочек жив.

– Софи! – крик заставил меня вздрогнуть. Я обернулась: отец быстро шел в мою сторону. По его виду я поняла, что он ищет меня уже долго.

– Ты! – крикнул он громко. Я снова вздрогнула и поднялась на ноги. Подойдя ближе, он гневно посмотрел на меня. Видимо, вид у меня был испуганный, поскольку он смягчился.

– Ты хоть знаешь, как мы все испугались? – его голос звучал устало.

– Чего? Чего вы испугались?

Отец вздохнул, но не ответил.

– Пойдем-ка домой, Софи.

Мы шли молча. Время от времени я смотрела на отца, и мне становилось немножечко стыдно. Но я знала, что скажи я, куда направляюсь, меня бы никто не отпустил.

Бабушка с мамой сидели на диване в гостиной прямо в куртках, угрюмые. Делали вид, что смотрят телевизор. Я прошла мимо них и поднялась в свою комнату. Никто не сказал ни слова.

«Отрицательная магия», – пронеслось у меня в голове. Я снова пересидела у разлома.

Закрыв за собой дверь, подошла к окну. Луна светила так ярко, что я отчетливо видела двор, посыпанный снегом, неподвижный и затаивший дыхание до утра. Он походил на мои воспоминания, замороженные на восемь лет, но начавшие таять и оживать здесь. Из кармана джинсов я достала стеклянный шарик и поднесла к глазам. Помутневший за эти годы, но все еще различимо сиреневый, он слегка поблескивал в лунном свете. Мое ворованное волшебство.

Я перевела взгляд на подоконник и улыбнулась: в детстве мне нравилось ключом (специально обученным, как говорил папа) царапать здесь что-то на память. Надписи все еще были тут. Рисунки, даты, имена. Но одно слово заставило меня нахмуриться. Пронзительное, болезненное воспоминание всколыхнуло мою душу. Что-то оставленное много лет назад дрожало в моей памяти, вот-вот готовое вспомниться. Я прошептала:

– Странник.

– Вспомнила, наконец?

Я обернулась. Шерстяной хвост задел мои ноги. Воспоминания закрутились вихрем, а я была Дороти, которую ураган уносил в страну Оз.

Вечером, когда гордый змей канул в быстрых водах, я, тяжело дыша, тащила свою громадную находку домой. А Юра без умолку рассуждал:

– Просто так коты в норы не забиваются. А у него что за нора? Ты видела? Волшебная! Наши коты в домах живут или на помойках вон. А этот – этот явно не из простых. Должно быть, он пришел с той стороны разлома, с магической. Только вот не ясно, зачем. Может, это колдун-оборотень? Так мой дед всегда говорит про черных котов. Что они оборотни или помощники ведьм.

- Он полосатый, а не черный.
- Тут ты права, – вздохнул Юра, обезоруженный. Но, подумав, добавил:
- Но ведь черные полосы у него есть? Есть. Стало быть, черный.

Родители были не сильно рады прибавлению в виде взрослого состоявшегося кота, но я так ныла, что они все же позволили мне оставить его «на время». Кот в ту пору был ленив и спал почти круглыми сутками (видимо, так на него жара действовала), поэтому никому он особо не мешал. Тем страннее для меня был случай, когда родители попытались его спрятать. Он громко плакал в темноте, и я, ориентируясь на звук, ночью нашла его. После нас больше никто, к счастью, разлучить не пытался.

Мы с Юрой считали, что раньше кот жил в каком-нибудь волшебном месте. Может, в удивительной стране, где звери говорят, а люди умеют летать. Потому мы и прозвали его Странником, и к имени этому я быстро привыкла. Как и к самому коту и его странностям. К тому, например, что Странник был слишком крупным для простого кота и частенько появлялся там, где быть не мог. Я делилась с ним своими секретами, я привязалась к нему и думала, что он останется со мной навсегда.

Но почему-то в моих спутанных воспоминаниях все восемь лет Странник был безымянным статистом на заднем плане, хотя, на самом деле, он – главное воплощение моей магии и самый близкий друг детства.

- Прости, – сказала я, вновь повернувшись к окну. Что толку вглядываться в темноту.
- С возвращением, Софи.

В августе мы с Юрой много ссорились. После того, как предки попытались отобрать у меня кота, я днями торчала в своей комнате и следила, чтобы его никто не трогал. Юра маялся бездельем и подолгу стоял возле нашей калитки, но так и уходил без меня. Странник прятался и больше не показывался мне на глаза. А я все сидела с мисочкой молока и ждала, что он вылезет из укрытия. Но кот больше не пил молоко, и приманить его таким примитивным образом не получалось.

Как-то бабушка пригласила Юру в дом, и я слышала, как внизу мои родители беседуют с ним о чем-то вполголоса. Затем он поднялся и постучал в дверь моей комнаты. Открывать я отказалась, но подползла поближе к двери. Так мы и разговаривали.

- Я пару раз ходил к разлому, но магия все не показывается, – рассказывал он.
- Моя магия тоже мне не показывается, – печально отозвалась я, имея в виду Странника.
- И не покажется, пока дома сидишь, – по-своему интерпретировал мои слова Юра. – Чего ты не выходишь?
- Боюсь, они снова попробуют забрать у меня Странника.
- Молчание.
- Кот в твоей комнате?
- Да. И мне кажется, они все почему-то настроены против него.
- Твои родители?
- И бабушка.
- Юра задумался.
- Я поговорю с ними, – заявил он. – Даю слово, не тронут они его.
- И Юра ушел. Я услышала, как моя родня накинулась на него с расспросами, а мама то и дело шикала на всех, чтобы говорили тише.

К моему удивлению, позже родители пришли и уверили меня, что кота никто не тронет, и, Юре на радость, мое затворничество, наконец, кончилось. Родители все еще странно вели себя, улыбались как-то наиграно, все время многозначительно переглядывались, а бабушка

даже не смотрела в мою сторону. Когда я появлялась, мы взяли в густой утомительной тишине, потому я чувствовала себя неуютно рядом с ними.

Что-то произошло за эту неделю разлуки и с Юрой. Мне казалось, моя семья заразила его своим подозрительным поведением, и он тоже стал вести себя не как обычно. Он сторонился и порой неосознанно брезгливо морщился, глядя на меня, будто я была усыпана гнойниками. Но стоило спросить его прямо – отнекивался и выглядел до того растерянным с этими его глупо распахнутыми глазами, что мне хотелось его ударить.

Мы больше не были так близки, как раньше и часто спорили по пустякам. Однажды в разгар глупой ссоры Юра сказал, что вся моя магия стала отрицательной из-за кота. Что нет мне больше смысла ходить к дереву, насытиться положительной все равно не выйдет.

– Отнеси-ка ты Странника обратно к разлому, пока твоя кровь не загустела и не стала совсем черной.

– Опять деда цитируешь? – усмехалась я. – Вот еще. Мы в ответе за тех, кого приручили.

– Пожалеешь, – пророчил Юра.

Но он ошибался. Я не жалела тогда и не пожалела потом.

Теперь, восемь лет спустя, я понимала, что именно в тот день сделала свой выбор. Я предпочла Странника Юре. И все изменилось окончательно.

Пару дней спустя я поделилась с Юрой своими опасениями: мне все еще казалось, что родители могут навредить Страннику.

– Так что же ты не носишь своего обожаемого кота с собой? Что, он тебе так и не показывается больше?

Меня охватил такой гнев, что я с размаху ударила Юру по лицу.

– Да что ты знаешь! – крикнула я.

Юра прижал руку к щеке. Он пораженно смотрел на меня и долго молчал. А потом развернулся, намерившись уйти, и бросил напоследок:

– Я не узнаю тебя, Софи.

Этот его взрослый тон и вся эта дурацкая ситуация окончательно взбесили меня.

– Иди к черту! Понял? Иди к черту!

Я кричала ему вслед, но он не оборачивался. Крупные слезы покатались из моих глаз, и я разрыдалась. Сначала от меня отвернулась семья, а теперь и Юра. И тут я почувствовала, как кот улегся у меня за спиной, привалившись ко мне боком.

– Не плачь, – сказал Странник. – Я не брошу тебя.

Именно тогда я поняла, насколько велика магия Странника. И то, что пространство для него работает не так, как для нас.

Морозным утром (а точнее уже днем) первого января я долго не хотела вставать, потому что ожидала нравоучений.

– Ты не можешь прятаться тут вечно, – усмехнулся Странник откуда-то из-под кровати.

– Могу, – упрямылась я.

Но, помучавшись часа два, все же спустилась в гостиную. Вопреки моим опасениям, родители встретили меня молчанием. Бабуля отводила взгляд. Ох, подождите-подождите. Где-то я уже такое видела.

Перекусив без особого аппетита, я быстро собралась.

– Ты куда? – спросил отец, и это были его первые слова за день, обращенные ко мне.

– Прогуляюсь. Что-то с вами совсем не весело, – усмехнулась я.

Во дворе солнце окатило меня ярко-желтым светом, казавшимся теплым на первый взгляд, но на деле совсем не гревшим. Я взяла из сарая свою любимую лопату с лакированным

черенком, ограждавшим меня в детстве от заноз. Пробралась на соседний участок через забор, казавшийся низеньким из-за сугробов. Особняк накрыл меня своей тенью. Вблизи он выглядел еще более темным и холодным. Казалось, если дотронуться до стены пальцами – корочка льда быстро поползет по моей руке вверх и будет расширяться, пока я вся не превращусь в ледяную фигуру.

Я медленно обходила дом по контуру, боясь узнать, что искомого здесь уже нет. И побежала, как только увидела торчавший из-под снега темный ледяной выступ.

Большой кривоватый булыжник я спешно отрыла руками, позабыв про варежки. Тем летом, когда все случилось, я нашла его в лесу, недалеко от реки, и сразу поняла, что он станет идеальным надгробным камнем для Юры. Я тащила булыжник через все село на самокате, и помню, что промучилась долго.

Я и сейчас не знала, где Юру похоронили по-настоящему. Мне не говорили. Но для меня он всегда был здесь. Я попрощалась с ним по-своему.

Я взяла лопату и постаралась подкопать вокруг камня, чтобы снять его. Но заледеневшая земля с трудом поддавалась. Подкопав с одной стороны, я попросту свалила камень назад. Под ним копать уже было намного проще. Скоро послышался лязг. Я отбросила лопату и вытащила из земли мамину шкатулку. За эти годы с ней ничего не случилось. Видимо, сделана она была на совесть. Внутри шкатулки я нашла крупные старые часы с подвеской, которые мне подарил Юра. Он стащил их у родителей в один из тех дней, когда мы были насыщены отрицательной магией. Шкатулку, помнится, я тоже утащила в такой день.

Открыв часы, вытащила свернутую бумажку. На ней детской рукой было выведено:

За дверью – дверь, за шагом – шаг,
Тропинкой в лес, через овраг.
По шпалам прямо, у реки...
Если боишься, то беги.

Мы придумали этот стишок вместе с Юрой, когда нашли загадочное дерево и разлом. И, вроде бы, там было гораздо больше строк. Но распевали мы обычно только эти четыре.

В шкатулке лежали бусы из пивных крышек, несколько обточенных водой камешков, брелок с футбольным мячом и зеленый, под цвет Юриных глаз, стеклянный шарик, который я выкорчевала из дерева на следующий день после его смерти.

Я всегда запрещала Юре трогать стекляшки. Он все клянчил да клянчил, а мне не хотелось портить такую красоту. Но в итоге сама же нарушила это правило, когда Юры не стало. Тогда я планировала добавлять в шкатулку по одному шарiku каждый год, когда приезжаю его навестить.

Порывшись в карманах, я выудила сиреневую стеклянную бусину, которую накануне сняла с дерева, и положила в шкатулку. Теперь бусин было две.

– Надеюсь, тебе понравится, – сказала я. – Извини, что я так припозднилась.

– Он не злится. Он никогда ни за что на тебя не злился, – послышался голос сзади.

Я склонила голову и прикрыла глаза.

– Ты не можешь этого знать.

– Могу и знаю. Даже в самый последний момент он...

– Замолчи, – бросила я.

Беседы через плечо уже давно вошли в привычку. Она не преследовала меня в Москве, и вначале казалось, что это все было какой-то детской придумкой. Затем я и вовсе позабыла Странника и почти все, что было с ним связано. Магия работала только здесь. Но стоило вернуться – вернулись и старые ощущения. А голова оставалась ясной.

Странник заговорил со мной сразу после того, как родители спрятали его, а я нашла. И тогда же он перестал показываться мне на глаза. Магию разлома не увидишь и под самым носом, если она сама не пожелает показаться.

– Твои воспоминания уже закрутились, – сказал он. – Цепляясь одно за другое, они уже привели тебя к тому самому моменту. Так не блокируй его. Вспомни. Как все произошло? Кто подбежал к тебе потом? Вспомни все, до мельчайших деталей.

Странник был прав. Это воспоминание разъедало мой разум, желая вспыхнуть и предстать во всей пугающей красе. Я замотала головой, все еще пытаюсь отогнать его. А затем смирилась и утихла.

Я снова оказалась у железной дороги. Солнце желтком расплзлось на белом небе, а горячий воздух стоял неподвижно. Вдруг волна ветра окатила меня – из-за поворота вынырнул поезд. Секунда какого-то умиротворения, слезы остановились на моем лице. Я взглянула вниз и увидела, что Юра упал. Ступор. В последний миг он взглянул на меня как-то устало. Его измученный взгляд потом годами, снова и снова, всплывал в моей памяти, и казалось, что мы смотрели друг на друга довольно долго, хотя, на самом деле, это длилось всего секунду.

Затем, помню, я бежала вдоль рельсов, пока поезд не уехал. Я сразу заметила нечто длинное и кровавистое, что тянулось по шпалам. Я догадалась, что это что-то из внутренностей, но ничего тогда не почувствовала. Лента раскинулась по диагонали, от одной рельсы к другой. Я видела, что подальше были разбросаны и другие куски, но почему-то остановилась и села здесь. Мне чудилось, что ему все еще больно. Каждой его части. И что я должна посидеть с ним, пока боль не утихнет. Странник тихонечко лег за мной. Еще недавно мы с Юрой вместе провожали воздушного змея. А теперь я провожала его самого.

Затем прибежали люди, меня увели, и все просили не оборачиваться, не смотреть. Но я отчего-то знала, что смотреть надо. Это был мой последний долг перед Юрой.

Слезы не пришли ко мне тогда. Я была спокойна весь день: и когда отвечала на вопросы, и когда увидела его деда, а затем родителей.

Оказавшись дома, я залезла в ванну прямо в одежде. Сидела там неподвижно, пока вода не стала холодной.

– Зачем ты сделал это? – тихо спросила я.

– Зачем?.. – раздался задумчивый голос. – Ради тебя.

Я открыла глаза. Казалось, будто воспоминание было болотом, из которого я с трудом вынырнула. Мои джинсы совсем промокли, а зубы застучали. Все эти восемь лет я верила, что он упал случайно.

– Как мне жаль, – сказала я. Мир помутнел из-за собиравшихся слез, я подняла лицо к небу, чтобы не расплакаться. Но глаза тут же обожгло светом. Я зажмурилась.

– Что ему до твоей жалости.

– Главное, что мне есть дело до моей жалости. Если бы он не встретил меня тогда. Если бы не было тебя...

– В이니шь меня?

– Да, – ответила я честно. – Я помню, что ты тогда сделал. Теперь я помню все.

– Так уж прям все, – прошептал Странник. Я обернулась, но за спиной уже никого не было.

Только серый дом мрачной тучей нависал надо мной.

Странник приходил все реже, а мне хотелось о многом расспросить его.

По поведению родителей я поняла, что, похоже, уедем мы раньше, чем планировалось. Уж не знаю, отчего их так сильно возмутил мой поход к разлому. Когда Странник появился перед рассветом, я спросила:

– Почему ты так редко приходишь ко мне?

– Магия утекает, – сказал он устало. – Соседний дом вытягивает таинство. Ты же заметила? И таких монстров становится все больше.

Начинало светать. Я долго сидела молча и смотрела в окно.

– Я скоро уеду.

– Знаю, – вздохнул кот.

– Я постараюсь тебя не забыть. Запишу твоё имя и буду повторять его.

– Ты уже сделала это однажды, помнишь? Начеркала на подоконнике и в своих книжках.

Но помогли ли книжки тебе вспомнить? Магия не работает там, куда ты уезжаешь.

– И как же быть?

– Не переживай и езжай спокойно. Я буду тебя ждать и дальше.

Я отвернулась от окна и закрыла глаза. Дрема медленно нарезала круги вокруг меня, как хищная рыба.

– Я могу что-то для тебя сделать? – пробормотала я сонно.

Он долго молчал. Я думала, что опять исчез. Но даже не успела расстроиться: я засыпала. И сквозь сон услышала:

– Твоя бабушка заправляет газонокосилку бензином. Ты знала?

Я проснулась, когда за окном уже было темно. Родители ушли купить что-то в единственный на все село супермаркет, а бабушка смотрела советскую комедию по телевизору. Я остановилась у двери и прислушалась: кажется, это была «Операция Ы». Мне вспомнилось, как раньше бабушка часто смотрела фильмы Гайдая на кассете. Заливалась смехом и подслеповато щурилась, чтобы лучше разглядеть. Сейчас сидела тихо, можно было подумать, что и вовсе уснула. Но я слышала, как она отхлебывает чай из своей большой кружки.

Тихонечко пробравшись мимо, я выскользнула в морозную темень двора.

Некоторые люди не запирают заднюю дверь дома. Я еще в прошлый раз заметила, что она едва заметно отходит. Все потому, что этот холодный особняк еще совсем не был обжит, а хозяева никогда раньше не жили в селе. Огонь быстро расползлся по бездушному дому. Вот она, стихия, способная убивать даже мертвых великанов.

Тихонечко вернувшись на свой участок, я подняла глаза вверх и вздрогнула. Из окна кухни на меня смотрела бабушка. И я сразу поняла, что взгляд этот, испуганный и скорбный, я уже однажды видела.

«Кто первый подбежал к тебе? Не сопротивляйся. Вспомни», – звучал голос Странника в моей голове.

Первой ко мне подбежала бабушка. А до этого она стояла на платформе, прикрыв рот рукой, и смотрела на меня этим самым взглядом. Мучительно болезненным, трусливым и брезгливым одновременно. Так смотрят на детей-психопатов, с особой жесткостью убивших кого-то. Что бы она ни видела в тот день, никому ничего не сказала. И, я была уверена, в этот раз она тоже не расскажет.

Я понимала, как то, что я сделала, выглядело с ее точки зрения. Но она ничего не знала про магию и угрозу, которую нес этот особняк. Я спасала свой родной край. Я спасала Странника. Ей этого было не понять.

Вечером я долго сидела неподвижно на полу возле окна. Пожарная машина приехала очень быстро, так что дворец все еще стоял на своем месте. Обугленный и вонючий, но чуть менее противный, чем раньше. Я злилась, потому что подозревала, что бригаду вызвала бабушка. Неужели пожарная часть где-то неподалеку, да еще и готова примчаться в новогодние праздники? Сплошное разочарование.

– Странник, – позвала я. Но он не откликнулся. – Странник, я сделала, что могла. Ты же этого хотел? Знаешь, мне уезжать завтра. Пожалуйста, приходи...

Я звала его снова и снова. Дверь скрипнула и я, словно очнувшись, вскочила.

– Кого ты зовешь? – спросил отец.

Я усмехнулась.

– Ты знаешь.

Он вздохнул и ушел. Через несколько минут вернулся вместе с мамой и бабушкой. Они сели на кровать и переглянулись.

– Софи, нам надо кое о чем с тобой поговорить, – осторожно начала мама. Я напряглась:

– О чем?

– Помнишь, у тебя был котик?

– Не был, а есть, – поправила я. Но мама проигнорировала мое замечание.

– Ты нашла его, когда тебе было десять. Ты так просила, что мы позволили оставить его тут. Бабушка позволила. А потом...

– Вы спрятали его!

– Никто не прятал его! Он... Он ушел, Софи!

– Он никогда бы не ушел.

– Ушел навсегда, понимаешь? Это несчастное животное так болело! Наверное, котик спрятался под тем деревом, чтобы там... окончить свою жизнь. А ты нашла его и принесла сюда. Он все время спал и прожил совсем недолго.

– Это неправда! С ним все было хорошо. Коты помногу спят, это нормально. Но вы спрятали его во дворе, и он испугался, он звал меня, я хорошо помню.

– Он же умер, Софа, – влезла бабушка.

– Нет! Вы что-то перепутали.

Бабушка помотала головой. Она долго сидела, накрыв руками глаза. И начала говорить, так и не взглянув на меня:

– Я же пришла тогда. Мучилась самыми страшными догадками еще когда увидела, что входная дверь открыта. И когда я поднялась и посмотрела тебя, на твоём лице была улыбка! Ты была спокойна и... Я же... Это было страшно, Софа. Как же это было страшно.

Я вдруг увидела этот момент бабушкиными глазами. Грязевую дорожку от крыльца до самой моей спальни. Комья земли на полу и кровати, выглядевшие устрашающе в мутном холодном свете раннего утра. Она шептала «Нет же, нет, не может быть» и «Только не это! Все, что угодно, только не это». Шажок за шажком, она медленно подходила ближе ко мне, своей десятилетней внучке. Пижама в грязи, ноги черные, волосы спутаны, а руки... Бабушка немо открыла рот и трясущими руками накрыла его, чтобы не вскрикнуть. Грязные детские руки крепко стискивали давно остывший трупик кота. На чумазом лице она увидела умиротворение.

– Раз он умер, и вы закопали его, пока меня не было. Как же, по-вашему, я смогла найти его? Как вы объясните это?

– Не знаю, – сказала мама. – Может, прознала как-то.

– Софи, – папа подошел ближе, – мы тогда забрали у тебя его тельце. Ты и не заметила. Я закопал его в лесу, и ты больше его не искала. Но потом оказалось, что ты придумала себе воображаемого кота. И общалась с ним. Мы думали, что это прошло, но теперь ты снова делаешь это.

– Воображаемый, – я усмехнулась. – Да что вы понимаете.

Юра умел призывать бабочек, а я смогла добиться большего: я призвала Странника. Но семья не могла оценить мое достижение. А мне не хотелось оправдываться.

Бабушка всхлипнула. Мама положила руку ей на плечо. Отец смотрел на меня с досадой. Мне казалось, что комната превратилась в ледяную речку. Лед между нами раскололся, и меня на оторвавшемся островке уносило течением. А они смотрели мне вслед, но никто и не думал

бежать за мной. И мать, и отец испытали то же, что и бабушка. Наверное, они боялись меня, как боялась она. В этом страхе они были едины. Единый фронт добра. А зло, стало быть, я.

Вот почему Странник не приходил ко мне. Они весь день внимательно вслушивались в шорохи из моей комнаты. Родители догадывались, что я снова общаюсь с котом, которого они считали умершим.

Он пришел перед самым моим отъездом. Я нехотя собирала вещи, когда он ткнулся носом мне в руку.

– Это я должна была вспомнить? То, что ты умер?

– Не только, – уклончиво ответил он. – А за покушение на монстра спасибо.

Я кивнула и подошла к шкафу, чтобы проверить, не оставила ли чего. Распахнула створки, и оттуда вдруг вылетела бабочка. Большая, красивая бабочка, волшебный ангел лета посреди зимы.

– Странник! Посмотри! Ты видишь?

Я как замороженная следовала за бабочкой, огибавшей комнату по кругу.

– Ты видишь? Это... Это же...

– Посланник с той стороны разлома, – подтвердил мою догадку Странник.

Я забралась на кровать и вытянула руку вверх в надежде, что бабочка сядет на нее. Кот продолжал:

– Король бабочек шлет тебе привет. Я же говорил, что он не злится на тебя. Несмотря на то, что ты сделала.

Я застыла с поднятой к потолку рукой. Бабочка закружила вокруг меня.

Душный летний день, железная дорога. Мы ссорились, вновь из-за кота. Я не понимала, почему все пытались отобрать его у меня. Растоптать мое волшебство и оставить меня ни с чем. Ладно, взрослые. Они ничего не понимали. Но Юра! Король бабочек, который знал, как магия прекрасна, который вместе со мной нашел Странника и помог выбрать ему имя. Почему он тоже встал на другую сторону? Разве он не должен был всегда оставаться на моей?

– Софи, прекрати это, – сказал он мне тогда. – Ты заигралась.

– Это не игра, – говорила я в сотый раз, и слезы текли по моему лицу. – Он настоящий.

– Так покажи его. Где он?

– Ты же знаешь, что магию так просто не увидишь.

– Знаю, – ответил он. – Но еще я знаю, что никто кроме тебя не видит кота. Потому что он умер. Понимаешь? Умер.

– Нет!

– Да, Софи! Я знаю, что ты привязалась к нему. Но так не может продолжаться. Существо, которое ты придумала от горя, сводит тебя с ума.

– Не смей так говорить. Ты ничего не понимаешь.

– Мне кажется, твои родители правы. Тебе стоит уехать.

– Предатель.

Поезд вынырнул из-за поворота. Я сделала шаг к Юре.

Бабочка врезалась мне в лоб и рухнула на кровать. Я упала следом. Схватила руками за голову и замотала ею в надежде избавиться от этих видений. Но они продолжали наступать.

Я вспомнила, как сидела в холодной ванне. Странник спросил:

– Зачем ты сделала это?

– Зачем?.. – задумалась я. – Ради тебя.

Я вцепилась в подушку и бросила ее в стену.

– Прекрати! – закричала я. – Все было не так! Почему ты показываешь мне это?

– Потому что ты должна была это увидеть.

Я уткнулась лицом в подушку. Мы долго молчали. Потом Странник прыгнул на кровать и сказал:

– Ты теперь уедешь, Софи. Но волшебство не испарится сразу: ты будешь терять его постепенно. Используй магию с умом.

Я кивнула, и он ушел. А я лежала одна в тишине, пока мои слезы совсем не высохли.

После я спустилась вниз, вышла во двор и закопала бабочку в снегу, недалеко от крыльца.

– Жаль, прожила ты мало. Совсем как твой король.

Я стояла и смотрела вдаль, туда, где виднелся поворот на речку. И почувствовала на себе чей-то взгляд.

– Ты хочешь мне что-то сказать, бабушка?

Она медленно спустилась с крыльца и подошла ко мне.

– Софа. Мне так жаль.

Ее голос был тихим, каким-то непривычным. Я даже обернулась и посмотрела: действительно ли она рядом со мной. Бабушка продолжила:

– Ждала же вас, мечтала, что ты приедешь. Я думала, все будет не так.

– Я тоже.

– Я же тогда отвернулась от тебя. И получается, сейчас тоже. А надо было поступить по-другому.

– И как же?

Бабушка глубоко вздохнула и опустила взгляд вниз.

– Ты, наверное, не помнишь, Софа. Но в тот день, когда бедный мальчик... когда Юрочка... я же была там. Я все видела, но ничего не сделала.

– Так что ты видела? – я пристально посмотрела на нее. Она молчала. – Хотя нет, стой. Не говори. Я не хочу знать.

Бабушка быстро стерла слезы с лица.

– Хорошо, не буду, – отозвалась она. – Но знаешь, потом, когда ты сидела возле рельсов, мне показалось, что я видела за тобой чью-то тень размером с собаку. Когда я подошла, там ничего не было, и я подумала, что привиделось. Зрение же у меня ни к черту. Но я до сих пор не уверена, что я тогда увидела.

Я усмехнулась. Бабушка посмотрела на меня, и ее подбородок затрясся. Она вытасила из кармана платок и быстро вытерла глаза.

– Мне так жаль, Софа.

Она развернулась и пошла в дом.

– О чем ты сожалеешь, бабушка? – кинула я ей вслед. Она ответила негромко, но я услышала.

– О том, что не уберегла твою душу.

Отец подогнал машину к калитке, пора было уезжать. «Если боишься, то беги», – гласил наш стишок. Моя семья боялась, вот мы и убегали так спешно. Но я не боялась. Этот край был больше мой, чем их. Здесь хранилось все, что мне дорого.

– Вот бы можно было остаться, – вздохнула я.

Но, увы, меня увезли. С каждым метром, что мы проезжали, я чувствовала, как увядает, отмирает моя магия. В Москве я снова ощущала тоску и пустоту, от которых успела отвыкнуть. Правильно говорят, что к хорошему быстро привыкаешь.

Я выписывала имя Странника тут и там, но он был прав. Неумолимо, пазл за пазлом, он исчезал из моей памяти. Таял, как и зима за окном. Неизменно оставалось одно: я чувствовала, что мое место там.

Мне нужен был повод вернуться. Весомый повод. Я искала его, но никак не могла найти. Вдруг в моей голове прощелестела случайная мысль: «Если бы с бабушкой что-то случилось...».

Когда вечером зазвонил телефон, я долго неподвижно стояла и смотрела на него. «Используй магию с умом», – предупреждал Странник. Когда я взяла трубку, то уже знала, что мне сообщат.

Окно

Конец месяца – тяжелое время для всего офисного планктона. Все, что растягивали и размусоливали неделями, в срочном порядке приходится доделывать под давлением устрашающе нависающего, словно дамоклов меч, дедлайна. Вот и сегодня, как всегда, день выдался настолько загруженным, что ни присесть, ни пообедать, ни покурить сбегать. Поэтому я ничуть не удивился, когда, зайдя в курилку в конце дня, наткнулся на толпу. Коллеги разбились на кучки и громко общались, обсуждая события дня и планы на выходные. Их эмоциональная речь превращалась в гул – жужжащий, назойливый, неприятный. Никого из них я не знал достаточно близко, чтобы присоединиться к беседе, да и говорить, улыбаться и смеяться через силу совсем не хотелось. В углу, задумчиво вглядываясь в небо за окном, в одиночестве стоял программист из соседнего отдела. Я знал о нем только то, что он странный и нелюдимый, и решил, что моего присутствия он все равно не заметит, так что подошел и закурил рядом. Тот, ожидаемо, и глазом не повел. Аура спокойствия рядом с ним была почти осязаемая и быстро затянула меня. Так, мы стояли, молчали и безмятежно смотрели в окно, невидимой стеной отгородившись от шума, криков и смеха коллег.

– Окно... – вдруг вздохнул мой тихий соратник. Я от неожиданности даже вздрогнул.

– Угу, – не зная, что ответить, буркнул я.

– Оно тут, вроде, есть.

– Есть.

Мои мечты о спокойствии рассыпались на глазах.

– Мой брат всегда говорил об окнах. Что там и тут они есть. Описывал, какие они. Снова и снова. По сто раз на дню. Это так раздражало. И меня, и родителей, работников в детском саду. Было так тупо. Ну есть и есть, что уж с них.

– Дети часто заикливаются на чем-то, это нормально, – заметил я, вспомнив своего племянника, который может круглые сутки говорить о жуках. И стал курить быстрее, надеясь отделаться от нежелательной беседы и пойти домой.

– Дети – да, – он усмехнулся. Помолчав, добавил тише: – Вот только этот придурок был воспитателем.

Я закашлялся.

– Что? – только и выдавил из себя. Затем впервые обернулся, чтобы взглянуть в глаза своему собеседнику. Да так и застыл с сигаретой у рта: его рядом не было.

В выходные ко мне приезжали родители с сестрой из родного города, так что было шумно и весело. Но, стоило мне ненадолго остаться одному, я вспоминал ту странную беседу и грустный голос этого парня.

«Он говорил о брате в прошедшем времени... Тот умер? Это из-за него наш программист такой странный?», – раздумывал я. И, хотя никогда не отличался любопытством, настолько увлекся этим, что в понедельник стал наводить справки.

– Федя? – переспросила коллега, которая все про всех знала. Я кивнул. – Да, он всегда был тихим, но вот таким... странным стал, когда его брат пропал. Тот, говорят, был с большим приветом. Обсессивный синдром или что-то такое. А ведь с детьми работал, представляешь.

Картинка стала складываться. Однако обстоятельств исчезновений никто из коллег, увы, не знал. Одни говорили, что была записка, похожая на предсмертную, другие – что рисунок какой-то подозрительный, третьи – что просто ушел из дома и не вернулся. Целую неделю я бегал в курилку с удвоенной частотой – в надежде пересечься с этим Федей и узнать, чем кончилась история. Она была не так уж интересна, более того, я был уверен, что забуду об этом сразу же, как узнаю развязку. Но чувство незавершенности кололось, как заноза, мешая спокойно жить. И, наконец, в пятницу мне улыбнулась удача.

Увидев его в курилке, я спешно подошел и встал рядом. Стоял и ждал, когда он что-то скажет, но он все молчал и смотрел в окно. За окном, кстати, не было ничего примечательного. Я проверил.

– Ты не куришь, – заметил он спустя пару минут тишины, не отрываясь от своего созерцания.

– И правда, – спохватился я. Настолько сосредоточился на нем, что совсем забыл, зачем сюда обычно приходят.

– Любопытно узнать о моем брате, да, – пробормотал он, все так же не смотря на меня.

– Ты проницательный.

– Все нет. Просто слышал, как ты об этом спрашивал у всех, – признался он.

– Извини, – опустил голову я. И почувствовал, как мое лицо краснеет от стыда. – Если не хочешь, можешь не рассказывать...

– Я расскажу. Но предупреждаю, я и сам мало что понимаю.

Он замолк и положил руку на стекло. Я смотрел на него и терпеливо ждал.

– Мой брат постоянно говорил об окнах. Но одним он был одержим. Оно находилось в квартире, которую он снимал. В спальне. Его отношение к тому окну менялось изо дня в день. «Хорошее», «Плохое», «Тянет», «Давит», «Хочу съехать», «Никогда не уеду»... Он постоянно говорил такие вещи. К сожалению, я никогда не слушал внимательно.

Федя печально вздохнул, а я подумал, что тоже вряд ли слушал бы внимательно. Тем временем он продолжил:

– Однажды он позвонил мне посреди ночи и попросил срочно приехать, потому что окно его манит. Я подумал, что он свихнулся окончательно и хочет выпрыгнуть из окна. А ведь девятый этаж! Так что я бегом помчался туда, умолял его ничего не делать. Он сказал, что постарается, но это не в его власти. Я проклинал себя, родителей, всех, кто легкомысленно относился к его бредням. Очевидно, ему требовалось лечение, и серьезное. Я паниковал, что не успею, бесился, что ни разу раньше не заезжал к нему, поэтому не сразу нашел нужный дом и подъезд. Когда я уже поднялся на этаж и звонил дверь, мне пришло сообщение от него всего с одним словом: «Прости». Я испугался, с силой дернул ручку, а дверь оказалась открытой. Я вбежал в квартиру, стал носиться из стороны в сторону, включать везде свет. Оказавшись в его спальне, я застыл. Там лежали все его вещи, телефон, одежда, куча рисунков окна на столе. А брата самого там не было. Как и окна.

– Как это? – поразился я.

– А вот так. В этой комнате вообще никогда не было окна. Он считал, что было. На его рисунках было. А на самом деле нет.

– Значит...

– Не знаю, что значит. Бредил он или что. Может, он совсем двинулся и ушел куда-то. А может... – он раздраженно выдохнул и стал ходить туда-сюда:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.